



# Обустройство России: вызовы и риски

**УСТИНКИН Сергей Васильевич** — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а); директор Приволжского филиала ФНИСЦ РАН (603000, Россия, г. Нижний Новгород, пер. Холодный, 4; [sv.ustinkin@gmail.com](mailto:sv.ustinkin@gmail.com))

**КУКОНКОВ Павел Иванович** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Приволжского филиала ФНИСЦ РАН (603000, Россия, г. Нижний Новгород, пер. Холодный, 4; [kukonkov\\_pavel@rambler.ru](mailto:kukonkov_pavel@rambler.ru))

**МОРОЗОВА Наталья Михайловна** — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а); заместитель директора Приволжского филиала ФНИСЦ РАН (603000, Россия, г. Нижний Новгород, пер. Холодный, 4; [4379037@gmail.com](mailto:4379037@gmail.com))

## ОЧАГОВОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ НАПРЯЖЕНИЙ В РОССИИ

**Аннотация.** Рост социальных напряжений является характерной особенностью социальных процессов, протекающих в современном российском обществе. В связи с фрагментарным изучением феномена социального напряжения прогнозирование социальных конфликтов представляется затруднительным. В статье авторы дают определение понятия «социальное напряжение», обосновывают очаговый характер его возникновения и развития. Авторы предлагают структурные и динамические показатели социального напряжения.

**Ключевые слова:** социальные процессы, социальное напряжение, социальный конфликт, социальное противоречие

Преодоление кризиса современного российского общества связано с глубокими социальными преобразованиями во всех сферах его жизнедеятельности, которые, в свою очередь, неизбежно будет сопровождать и уже сопровождает рост социальных напряжений, определяющий нестабильность протекающих в стране социальных процессов.

Существенным недостатком преобладающего сегодня подхода к исследованию социальных напряжений является то, что он основывается на анализе лишь части системно значимых взаимосвязей этого явления. Очевидно, что даже безусловно выполненная на этой основе оценка явления дает неверные результаты. В связи с этим представляется вполне закономерным отсутствие в научной литературе сколько-нибудь убедительных примеров прогнозирования деструктивных конфликтов в современной России.

В конфликтологическом исследовании в качестве исходного выступает представление о том, что социальный конфликт — это социальное противоречие на стадии его реального разрешения вовлеченными в него субъектами [Дмитриев, Кудрявцев, Кудрявцев 1993: 11-13; Запрудский 1992: 54; Социальные конфликты... 1991: 27]. Социальное напряжение может быть представлено как процесс осознания социального противоречия, которое может иметь следствием конфликт, но также может иметь и другие следствия: социальную активность, социальную пассивность, социальную деструкцию. Традиционный конфликтологический подход, преимущественно анализирующий взаимосвязь социальных напряжений и конфликтов, представляется упрощением сущности этих явлений.

До сих пор встречаются подходы, которые ставят знак равенства между соци-

альным недовольством и социальным напряжением, социальным напряжением и социальным конфликтом, что ведет, по существу, к утрате исследовательской перспективы. А признание изменчивости, разнонаправленности, сложности различных форм социального напряжения [Баранова, Фролов 2012] не всегда ведет к пониманию того, что исследование всей совокупности взаимосвязей этого явления возможно только в условиях его очага, границы которого далеко не всегда совпадают с границами страны, региона, города, муниципалитета.

Недостаточное теоретико-методологическое осмысление категории «социальное напряжение» ведет к ее обедненности и негативно сказывается на результатах конкретных социальных исследований. Авторы исследований чаще всего останавливаются на этапе фиксации недовольства и связанных с ним протестов, игнорируя необходимость анализа процессов возникновения и усиления напряжения, фиксации его субъектов, которые, таким образом, фактически выводятся из пространства социального напряжения<sup>1</sup>.

На наш взгляд, социальное напряжение может быть определено как процесс обретения субъектности в пространстве социального недовольства, сопровождающийся процессами самоидентификации, идентификации «своих» и «чужих», поиском ответственных, «виновных» за возникающие социальные проблемы. Трансформация недовольства в субъект-субъектное отношение порождает новое явление – социальное напряжение. «В определенном смысле можно сказать: если неудовлетворенность выступает как сущность рассматриваемого типа отношений, то напряжение – их явление в социальной действительности» [Куконков 1995: 15].

Взаимная идентификация сторон определенным образом фиксирует социальное противоречие в их сознании. В качестве основного механизма на этом этапе действует отмеченная Р. Макком и Р. Снайдером «избирательная рациональность, сводящаяся к выявлению и метке среди окружающих противников и союзников» [Mack, Snyder 1957: 241]. На этом этапе в силу его продолжительности и латентного характера происходящих внутри него процессов возникает возможность не только прогнозировать последствия разворачивающихся отношений, но и при необходимости найти средства и способы их локализации или блокирования.

Попытки выявления и анализа различных факторов возникновения социального напряжения, к сожалению, не ведут к определению их необходимой и достаточной совокупности. Так, В.В. Федосеев отмечает, что низкий уровень жизни населения сам по себе не вызывает социальной напряженности в стране при отсутствии чрезмерной дифференциации доходов (например, Республика Беларусь). С другой стороны, значительная дифференциация доходов не является причиной социальной напряженности в обществе при общем высоком уровне жизни (например, США). По мнению В.В. Федосеева, экономической базой социальной напряженности в стране является низкий уровень жизни в сочетании с резкой дифференциацией населения по доходам [Федосеев 2010; Мамедов, Федосеев 2009]. Достаточно очевидно, что сведение факторов рассматриваемого явления исключительно к уровню жизни и доходам существенно ограничивает возможность его всестороннего и объективного исследования. Необходимо подчеркнуть, что такое исследование может быть реализовано только при наличии определенных условий.

<sup>1</sup> См.: Эксперты составили рейтинг социальной напряженности регионов России. – *ИА «Росбалт»*. 22.04.2016. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/04/22/1509165.html> (проверено 06.05.2018); 13 регионов РФ с повышенным уровнем напряженности. – *Вести-Экономика*. 02.11.2017. Доступ: <https://news.rambler.ru/other/38298358-13-regionov-rf-s-povyshennym-urovнем-napryazhennosti/> (проверено 06.05.2018).

Мы считаем обоснованным подход, в соответствии с которым социальное напряжение имеет очаговую природу, а продолжительность существования очагов социальной напряженности зависит от причин, их породивших, от стихийного или преднамеренного характера возникновения, от позиции и эффективности действия властей и других обстоятельств [Абрамович 2012]. Учет очагового характера социальных напряжений расширяет возможности их диагностики, предупреждения и локализации, приобретая в настоящее время важное теоретическое и практическое значение.

Очаговость развития характерна и для России. А. Агеев, отмечая огромность российского государства, справедливо обращает внимание на то, что управляющий сигнал, импульс от указа, высшей директивы, идеи, образца в этом пространстве «вязнет, мерзнет». Потому страна развивалась очаговым путем. В результате преобразований последней четверти века мы опять воспроизвели очаговость развития<sup>1</sup>. Именно в «очагах» аккумулируется латентный потенциал социальных напряжений, базой для которых выступают прежде всего различные виды социальных неравенств.

Сравнительная оценка межрегионального экономического неравенства внутри 8 федеральных округов, по данным В.Ю. Маслихиной, выявила 3 группы округов со сходным уровнем и динамикой неравенства. Она отмечает, что если посмотреть на карту России, то в 2014 г. наиболее высокий уровень развития со среднедушевым ВРП выше среднероссийского уровня демонстрируют 17 регионов, обладающих преимуществами географического положения и природными ресурсами, причем плотность населения в четырех федеральных округах – Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском и Южном – составляет 40,5 чел./кв. км, а в четырех остальных округах – только 3,5 чел./кв. км [Маслихина 2017].

Заметно варьирует динамика реальных денежных доходов в РФ, ПФО и Нижегородской обл.: динамика доходов нижегородцев в сторону повышения более заметна по сравнению с ростом доходов населения ПФО и РФ в целом. Этот факт невозможно объяснить исключительно ростом средней заработной платы, поскольку средняя заработная плата по 10 процентным группам работников (в руб.) по Нижегородской обл. была заметно ниже, чем по России в целом. Вместе с тем она стабильно превышала размер средней зарплаты по Приволжскому федеральному округу<sup>2</sup>.

Регионы заметно различаются по уровню безработицы: за период с 2005 по 2013 г. уровень безработицы в Нижегородской обл. снизился на 1,7% и оставался стабильно ниже (4,3%), чем в среднем в ПФО (4,9%) и в РФ (5,5%). Уровень безработицы в Нижегородской обл. ниже, чем в большинстве других регионов России. Ниже только в Москве, Московской обл., С-Петербурге, Самарской обл., Ямало-Ненецком АО. Самый высокий уровень безработицы – в Чеченской, Карачаево-Черкесской республиках, Республике Тыва<sup>3</sup>.

Н.И. Лапин обращает внимание на то, что повышается человеческий потенциал России: в мировом рейтинге ИРЧП она переместилась из шестого десятка

<sup>1</sup> Проханов А. Русский рынок. Когда? Генеральный директор Института экономических стратегий Александр Агеев о технологиях модернизации. – *Завтра*. 03.03.2018. Доступ: [http://zavtra.ru/blogs/russkij\\_rivok\\_kogda](http://zavtra.ru/blogs/russkij_rivok_kogda) (проверено 06.05.2018).

<sup>2</sup> Здесь и далее приводятся данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Доступ: <http://nizhstat.gks.ru> (проверено 24.04.2018).

<sup>3</sup> Социальный атлас российских регионов. – *Независимый институт социальной политики*. 2015. Доступ: <http://www.socpol.ru/atlas> (проверено 24.04.2018).

стран в пятый. Однако сохраняется очень низкий уровень человеческого потенциала примерно в 15 субъектах РФ, где живут 10% населения страны<sup>1</sup>.

Важным показателем, определяющим уровень жизни населения российских регионов, является стоимость и изменение стоимости минимального набора продуктов питания (см. табл. 1).

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют, что в течение 1 месяца стоимость минимального набора продуктов питания во всех федеральных округах, кроме Крымского, заметно выросла. В Нижегородской обл. этот показатель стабильно растет более быстрыми темпами, чем в ПФО в целом.

Таблица 1

**Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в марте 2016 г.\***

Федеральные округа	Стоимость набора, руб.	Изменение стоимости набора к предыдущему месяцу, %	Максимальная и минимальная стоимость набора внутри федерального округа	
			субъект РФ	Стоимость набора, руб.
Центральный	15 140,2	100,6	г. Москва Курская обл.	19 807,4 11 822,9
Северо-Западный	14 491,3	100,6	Мурманская обл. Новгородская обл.	16 518,8 12 415,7
Южный	13 145,6	100,4	Краснодарский край Астраханская обл.	14 328,2 12 531,4
Северо-Кавказский	12 816,8	100,4	Чеченская Республика Республика Ингушетия	13 510,1 11 571,3
Приволжский	12 446,0	100,5	Нижегородская обл. Саратовская обл.	13 207,2 11 715,6
Уральский	13 626,9	100,5	Тюменская обл. Челябинская обл.	15 464,8 12 307,4
Сибирский	12 716,5	100,5	Республика Алтай Кемеровская обл.	14 938,0 11 549,7
Дальневосточный	17 127,2	100,5	Камчатский край Амурская обл.	23 484,4 14 614,8
Крымский	11 904,5	101,1	г. Севастополь Республика Крым	12 136,5 11 971,2

\* РОССТАТ. Информация о социально-экономическом положении России. Январь-март 2016 г. М. 19.04.2016.

Ситуация в России достаточно адекватно может быть описана метафорой «мексиканизация», означающей радикальный разрыв между столицей и провинцией. Достаточно взглянуть на данные массовых опросов, в которых Москва и Санкт-Петербург, более «прозападные», всегда выделяются особой строкой,

<sup>1</sup> Лапин Н.И. Диспропорции между регионами России и социокультурные императивы их развития. Выступление на пленарной сессии Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 г. Доступ: [http://www.isras.ru/publications\\_bank/1226073484.pdf](http://www.isras.ru/publications_bank/1226073484.pdf) (проверено 02.06.2018).

чтобы убедиться в обоснованности этой метафоры [Ядов 2007: 16]. Ситуация усугубляется тем, что до сих пор не прояснен вопрос о сущности разделения власти между центром и регионами: это утверждение жесткой центральной власти или же предоставление субъектам федерации достаточных полномочий и материальных средств [Федерализм и публичная... 2002]?

Представленные выше данные свидетельствуют, что зафиксированные в них межрегиональные различия отнюдь не случайны, достаточно стабильны и представляют собой определенную самовоспроизводящуюся систему, формирующую в различных локально-территориальных общностях внутри регионов свою специфическую совокупность факторов социального напряжения.

Следует отметить, что население ощущает существенные различия социальной ситуации внутри региона. В частности, заметно варьирует в зависимости от района области показатель удовлетворенности жизнью: неудовлетворенных жизнью сравнительно больше среди населения средних и малых городов Нижегородской обл. – 21%.

Треть опрошенных в Нижегородской обл. убеждены, что ситуация в других районах области отличается от ситуации в их районе, причем каждый пятый из них (21%) считает, что в других городах и районах области ситуация лучше, тогда как 12% отметили, что там ситуация хуже (см. табл. 2).

Таблица 2

#### Сравнительная оценка населением Нижегородской обл. ситуации в муниципальных образованиях<sup>1</sup>

Какова ситуация в других городах и районах области по сравнению с вашим?	Нижегородская обл.	Нижний Новгород	Малые и средние города	Сельское население
Безусловно, хуже	3,6	4,1	3,8	1,6
Скорее хуже	13,2	13,8	15	5,6
Не отличается	40,4	36,3	38,9	56
Скорее лучше	18,5	14,8	20,9	19,8
Безусловно, лучше	4,5	5,3	4,7	2
Нет ответа	19,8	25,7	16,7	15,1

Характер и масштабы явления неудовлетворенности уточнялись нами в процессе иерархизации наиболее острых, болезненных проблем. Наиболее актуальными проблемами для населения Нижегородской обл. являются цены на продукты первой необходимости, размер коммунальных платежей и тарифов, низкий уровень зарплат и пенсий, а также доступность медицинских услуг и препаратов. При этом иерархия актуальных проблем заметно отличается в различных районах Нижегородской обл. Необходимо подчеркнуть, что протестный потенциал актуальных социально-экономических проблем также весьма различен (см. табл. 3).

Результаты наших исследований свидетельствуют о том, что сравнительная оценка населением ситуации по месту жительства во многом обусловлена

<sup>1</sup> Здесь и далее приводятся результаты серии социологических исследований населения Нижегородской области в возрасте 18 лет и старше, реализованных Приволжским филиалом ИС РАН в 2011–2013 гг. Выборка случайная, квотная, репрезентирующая население по основным социально-демографическим показателям.

Таблица 3

**Оценка нижегородцами протестного потенциала актуальных социально-экономических проблем Нижегородской обл., %**

Социально-экономические проблемы	Актуальность проблемы	Связь с акциями протеста	Протестный потенциал*
Цены на продукты	50,0	42,1	0,84
Бедность, низкие зарплаты, пенсии	40,1	19,1	0,48
Размер коммунальных тарифов	43,5	16,5	0,38

\* Протестный потенциал исчисляется как соотношение между актуальностью социальной проблемы и ее связью с акциями протеста.

локально-территориальным фактором, который обнажает глубину и масштаб существующих неравенств.

Существенные трудности, возникающие в ходе социологического измерения социальных напряжений, обусловлены отсутствием адекватных социологических моделей, отражающих процесс взаимодействия различных социальных субъектов, имеющих не только различные интересы, но и различные темпы их осознания в условиях конкретной локально-территориальной общности<sup>1</sup> [Баранова 2009; Голованов 2008; Гудков 1996; Муханова 1991; Тучков 2000].

Именно очаговостью развития во многом обусловлено наличие неудовлетворенных потребностей отдельных социальных слоев и групп. Следует подчеркнуть, что способность людей в зависимости от конкретных обстоятельств изменять приоритеты и отдавать предпочтение одним потребностям в ущерб удовлетворению других делает невозможным установление глобальной иерархии потребностей. Вместе с тем не исключается возможность установления «иерархии актуальных потребностей» конкретных социальных групп в определенный период времени и в условиях определенной окружающей среды (очага).

Динамическая концепция актуальных потребностей позволяет использовать максимальный в конкретной ситуации локально-территориальной общности спектр приемов и тактик прогнозирования, выявления и оптимизации социального напряжения. Достаточно очевидно, что такой подход практически нереализуем при исследовании социального напряжения в рамках изначально заданной локально-территориальной общности (район, город, область, регион, страна). Результаты подобных исследований чаще всего представляют собой попытку измерения «средней температуры по больнице».

Мы исходим из предположения, что характер и направленность процессов возникновения, усиления и трансформации социальных напряжений тесно связаны с масштабами и локализацией их очагов. В связи с этим важной исследовательской задачей выступает определение методов их раннего выявления, описания и анализа их специфики.

Очаговый характер социального напряжения органично включает подход к его определению как к присущему изучаемой социальной общности набору вероятностей изменения социальной структуры в определенных направле-

<sup>1</sup> См. Кынев А., Петров Н., Титков А. Эксперты КГИ оценили уровень социально-экономической и политической напряженности в регионах России по состоянию на 1 января 2017 года. Доступ: <https://komitetgi.ru/analytics/3154> (проверено 20.04.2018); Тишков В.Н. *ЕАВАРН – Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. Доступ: [www.eavarn.ru](http://www.eavarn.ru) (проверено 20.04.2018).

ниях (каждому направлению отвечает своя вероятность). Авторы этого подхода отмечают, что для обеспечения возможности использования этого определения необходимо четко выявить эти направления (каждое из них ассоциируется с тем или иным проявлением социального напряжения) и подробно разработать, как можно измерить каждую вероятность [Толстова, Давыдова: 2011: 30].

Определение методов раннего выявления, описания и анализа специфики очагов социального напряжения выступает важным направлением социальной политики. Одна из основных функций власти состоит в удержании социального напряжения в рамках, в которых оно не способно оказывать деструктивное влияние на целостность и воспроизводство социальной системы внутри его очага. Необходимость своевременного управленческого воздействия обуславливает реальную потребность в тщательном анализе и возможности прогнозирования причин и уровня социального напряжения. Одной из основных задач реализации этой функции государственного и муниципального управления выступает выявление очагов социального напряжения, предрасположенных к трансформации в деструктивные социальные конфликты.

Следует подчеркнуть, что процесс выявления, фиксации и анализа социального напряжения должен базироваться, прежде всего, на непротиворечивой концептуальной схеме этого явления. Концептуальное определение социального напряжения, включая факт осознания противоречия, должно фиксировать его структурные элементы, а также уровни анализа. Исследование социального напряжения в его очаге предполагает формирование социологической модели, отражающей основные параметры и динамику, а также характер и тесноту взаимосвязей этого явления. В ходе наших исследований в основном подтвердилась гипотеза, описывающая его основные структурные и динамические показатели:

- отражающие процесс выявления и осознания причинно-следственной связи между характером объекта неудовлетворенности и деятельностью или бездеятельностью социальных субъектов, фиксирующий факт возникновения социального напряжения в пространстве социального недовольства;

- отражающие процесс обособления, ограничения, снижения интенсивности связей и контактов в пространстве социального недовольства, свидетельствующий о становлении социального напряжения;

- фиксирующие процесс осознания противоположности отношения различных субъектов к общему объекту (объектам) в пространстве социального недовольства, свидетельствующий об усилении социального напряжения;

- фиксирующие процесс осознания неразрешимости сложившихся субъект-субъектных отношений по поводу объекта (объектов) в пространстве социального недовольства в рамках существующих институтов и установлений, свидетельствующий о завершении процесса становления социального напряжения;

- фиксирующие связь между процессом уточнения позиций взаимодействующих субъектов и структурой очагов социального напряжения;

- фиксирующие связь между характером взаимодействия сторон социального напряжения и предрасположенностью его очагов к трансформации в деструктивный социальный конфликт или другие проявления социальной деструкции.

Концептуальная модель социальных напряжений как научно-теоретическое основание гармонизации социальных отношений в современной России позволяет не только уточнить степень адекватности и границы применения теоретических моделей для их исследования, но и реализовать возможности раннего выявления, описания и анализа очагов социальных напряжений. Прогнозирование и, при необходимости, локализация и блокирование социального напряжения наиболее эффективны в рамках адисциплинарного под-

хода, предполагающего совместные усилия конфликтологов, социологов, политологов, психологов, юристов, педагогов, управленцев в очаге социального напряжения.

### Список литературы

- Абрамович Е.С. 2012. Математико-статистические методы анализа социальной напряженности в российском обществе. — *Учет и статистика*. Т. 1. № 25. С. 85-89.
- Баранова Г.В. 2009. *Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации*: дис. ... к.соц.н. М. 183 с.
- Баранова Г.В., Фролов В.А. 2012. Методология и методика измерения социальной напряженности. — *Социс. Социологические исследования*. № 3. С. 50-65.
- Голованов А.В. 2008. Особенности, индикаторы и мониторинг социальной напряженности общества переходного периода в регионе. — *Регионоведение*. № 3. Доступ: <https://regionsar.ru/ru/node/153> (проверено 20.05.2018).
- Гудков Л.Д. 1996. Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах. — *Куда идет Россия?* М.: МВШСЭН. С. 318-327.
- Дмитриев А.В., Кудрявцев В.Н., Кудрявцев С.В. 1993. *Введение в общую теорию конфликтов*. М.: ИНИОН РАН. 212 с.
- Запрудский Ю.Г. 1992. *Социальный конфликт*. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та. 120 с.
- Куконков П.И. 1995. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта. — *Социальные конфликты*. Вып. 9. С. 9-20.
- Мамедов А.К., Федосеев В.В. 2009. О системе обобщающих показателей уровня жизни населения, дифференциации доходов и социальной напряженности. — *Вестник Башкирского института социальных технологий*. № 1. С. 13-24.
- Маслихина В.Ю. 2017. Исследование факторов пространственного межрегионального неравенства в России. — *Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность: труды Гранберговской конференции*. 10–13 октября 2016 г., Новосибирск: сборник докладов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Муханова М.Н. 1991. Социальная напряженность в Калмыцкой АССР. — *Социс. Социологические исследования*. № 7. С. 100-102.
- Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения*. Вып. 1. *Методологические, общетеоретические, технологические подходы* (под ред. Е.И. Степанова) 1991. М.: ИС РАН. 281 с.
- Толстова Ю.Н., Давыдова Н.Д. 2011. Расширение понятия социологического измерения и его использование для измерения социальной напряженности. — *Мониторинг общественного мнения*. № 5(105). С. 25-36.
- Тучков Е.В. 2000. *Социальная напряженность в регионах Центра России: механизмы диагностики и регулирования*: автореф. дис. ... к.соц.н. Орел: Изд-во ОРАГС. 28 с.
- Федерализм и публичная сфера в России и Канаде: аналитический доклад* (под ред. А.А. Галкиной). 2002. М.: Университет Калгари и Горбачев-фонд. 212 с.
- Федосеев В.В. 2010. Глобальный кризис и основные индикаторы уровня жизни населения России. — *Труд и социальные отношения*. № 5. С. 96-102.
- Ядов В.А. 2007. Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических трансформаций». — *Россия реформирующаяся: ежегодник* (отв. ред. М.К. Горшков). М.: ИС РАН. С. 12-23.
- Mack K., Snyder K. 1957. The Analysis of Social Conflict: Toward on Overview and Synthesis. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 1. No. 2. P. 212-248.



**USTINKIN Sergei Vasil'evich**, *Dr.Sci (Hist.)*, Dean of the Faculty of International Relations, Economics and Management; Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; sv.ustinkin@gmail.com); Director of Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodnyi Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000)

**KUKONKOV Pavel Ivanovich**, *Cand.Sci. (Soc.)*, Senior Researcher of Volga branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodnyi Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000; kukonkov\_pavel@rambler.ru)

**MOROZOVA Natal'ia Mihailovna**, *Cand.Sci. (Pol.Sci)*, Associate Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155); Deputy Director of Volga branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodnyi Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000; 4379037@gmail.com)

## LOCALITY OF SOCIAL TENSION IN RUSSIA

**Abstract.** The growth of social tension is a characteristic feature of the social processes taking place in modern Russian society. Due to the fragmentary study of the phenomenon of social tension, the forecasting of social conflicts is difficult. In the article the authors give definition of the concept of social tension, justify the focal character of its emergence and development. The authors suggest structural and dynamic indicators of social tension.

**Keywords:** social processes, social tension, social conflict, social contradiction

---

### УДК 316.344

**РЕУТОВ Евгений Викторович** — кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutovevg@mail.ru)

**ЗАХАРОВ Виктор Михайлович** — доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; zakharov@bsu.eu.ru)

**РЕУТОВА Марина Николаевна** — кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutova@bsu.edu.ru)

## СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

**Аннотация.** Социальное неравенство рассматривается как неодинаковый доступ индивидов и групп к системе социальных ресурсов, значимых для их существования, без шансов на изменение ситуации. Восприятие неравенства детерминировано как социально-экономическими (доход, масштаб потребления, уровень жизни), так и ментальными факторами (представления о социальной справедливости, вера в возможность восходящей мобильности, внедрение в массовое сознание концепции социальной солидарности). Острота восприятия социального неравенства снижается по мере повышения уровня доходов основной массы населения, снижения уровня бедности, расширения возможностей для социальной мобильности.

**Ключевые слова:** социальное неравенство, социальная дифференциация, массовое сознание, восприятие неравенства, распределение доходов